

Встреча Дмитрия Медведева с ректорами высших учебных заведений

(Стенограмма)

Источник (<http://government.ru>)

Список участников встречи с ректорами высших учебных заведений, 4 июля 2018 года - [PDF](#)

Вступительное слово Дмитрия Медведева на встрече с ректорами высших учебных заведений

Д.Медведев: Мы встречаемся регулярно, что не умаляет необходимости обсудить целый ряд вопросов. Сегодня здесь присутствуют руководители ряда ведущих государственных университетов, университетов разного профиля. Многие из вас – люди, которые давно работают в системе высшей школы, люди с мировым именем и авторитетом. Самое главное, что для вас безразлично, каким образом высшая школа будет развиваться, – как, скажем прямо, и для нас это безразлично.

Я знаю, что в конце апреля был XI съезд союза ректоров, в котором принимал участие Президент. Там обсуждалось много вопросов, значительная часть которых входит в

компетенцию Правительства Российской Федерации. Давайте сегодня рассмотрим некоторые из этих вопросов и другие темы.

Первое, о чём хотелось бы сказать, у нас завершилось проведение основного периода единых государственных экзаменов. Период госэкзаменов прошёл в достаточно спокойной обстановке, без серьёзных осложнений. Хотя подготовка к ЕГЭ – это всегда очень напряжённый, ответственный период для выпускников, родителей. От результатов экзаменов зависит будущее молодых людей. Пользуясь возможностью, я хочу ещё раз поздравить всех, кто прошёл через это испытание, пожелать успешного поступления в высшие учебные заведения, в университеты.

Россия – страна, где спрос на высшее образование один из самых высоких в мире: 9 из 10 родителей видят своих детей с вузовскими дипломами. Напомню, что в прежнюю эпоху в нашей стране, я имею в виду Советский Союз, да и в других странах, эти представления были совсем иными. В одной из книг я наткнулся на описание того, что считалось успешной карьерой – причём не у нас, а в Соединённых Штатах Америки – для женщины в конце 1950-х годов: окончить курсы машинописи, хорошо владеть этой техникой и поступить на работу. Это считалось достаточным для того, чтобы создать основу для жизни, карьеры человека на длительное время: школа и курсы машинописи. Сейчас всё изменилось – изменилась наша страна, мир, наши ценности и представления о ценностях самого образования.

Приёмная кампания в разгаре. В этом году мы увеличили план приёма, напомню, на 9 тыс. мест. В общей сложности он превышает 514 тыс. мест. На ближайшие шесть лет задачи у нас весьма амбициозны, они обозначены в [президентском указе №204 от 7 мая текущего года](#). Большинство из них не может быть эффективно решено без сильной высшей школы, то есть без новых специалистов, идей, разработок. Правительство сейчас разрабатывает национальные проекты в сфере образования и науки. В этих проектах будут сведены воедино и детализированы все наши планы, механизмы их выполнения, заложено финансирование, что исключительно важно. Эту тему курирует Татьяна Алексеевна Голикова. Также, как вам хорошо известно, у нас теперь есть отдельное министерство, которое возглавляет Михаил Михайлович Котюков. Я просил бы всех коллег-ректоров подключиться к этой работе. Я имею в виду работу по подготовке национальных проектов в сфере образования и науки.

Ряд задач, которые в указе поставлены, напрямую касается образования и научной сферы. Напомню, что наша страна должна обеспечить конкурентоспособность российского образования в мире. К 2024 году поставлены задачи по вхождению в пятёрку стран-лидеров по научным исследованиям. Задачи крайне непростые. Научные образовательные сообщества давно стали глобальными – студенты, учёные, преподаватели сами выбирают, где им работать, где воплощать в жизнь свои идеи. Не только люди конкурируют за места в университетах. Сами университеты конкурируют уже в этой борьбе за таланты. Мы можем не проиграть в ней, только повышая качество нашего высшего образования и, самое главное, его привлекательность для молодых специалистов, молодых учёных, улучшая академическую среду, доступность образовательной и научной инфраструктуры.

Здесь наша работа будет построена по нескольким направлениям. Напомню, что благодаря программе 5-100 мы закрепились в ряде глобальных рейтингов. Мы всегда говорим, что рейтинги не главное, но это всё-таки индикаторы, которые так или иначе отражают как минимум движение. Вопрос не в конкретном месте в этом рейтинге, потому что это всегда субъективные вещи. Мы понимаем, что целый ряд рейтингов отражает специфику отдельных групп государств. В англосаксонском мире это одно, в

тихоокеанском регионе – другое. Тем не менее движение в рейтингах – это точно тренд, и на это нужно обращать внимание.

Что ещё хочу сказать? У нас есть по понятным причинам сильные и слабые стороны, сильные и слабые направления. Сильные, как всем известно, это математика, физика, область компьютерных знаний, машиностроение, отдельные гуманитарные направления типа лингвистики. Но мы пока довольно серьёзно отстаём в биотехнологиях, биомедицине, транспортных науках, телекоммуникациях, в специальностях, связанных с дизайном и архитектурой. Этому следует уделять сегодня большее внимание.

Мы активно формируем образовательные онлайн-платформы, расширяем сегмент бизнес-образования. Это тоже важное направление. Буквально неделю назад мы подробно об этом говорили на [заседании попечительского совета Санкт-Петербургского государственного университета](#).

В-третьих, ведущие вузы страны с их потенциалом и историей успеха должны играть более активную роль в развитии образовательной и научной среды в регионах. Для этого у нас есть, например, проект создания в регионах университетских центров. Подобные инициативы нужно развивать.

Я обратил внимание, как во время встречи с союзом ректоров ректорское сообщество аплодировало, судя по стенограмме (написано: аплодисменты), когда Президент сказал, что нужно заниматься кампусами. Это действительно правда. В мире ничего другого не придумано. Да, это непросто, это требует земли, это подчас требует значительного финансирования, но представление об университетах просто как о зданиях, да ещё разбросанных по городу (нам это хорошо известно – и в Москве, и в Питере), – это представление XIX–XX веков, а не XXI века. Университет – это среда. А среда – это коммуникации, инфраструктура. Без кампусов, без университетских городков, университетских центров это сделать невозможно. Понятно, это появится не сразу и не везде, но для ведущих университетов это, безусловно, приоритетный путь развития.

Встреча с ректорами вузов. Выступление ректора Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова Виктора Садовнического

В.Садовнический : Спасибо за Ваше внимание к системе высшего образования, мы это чувствуем. Я хотел выступить с позиции того, что система образования является стратегически важной для нашей страны. Наша страна огромная. У нас 600 университетов, Вы упомянули, они разные, есть проблемы. Задача нашего университета и тех, которые достигли определённого уровня, – помочь, чтобы в России все университеты были сильные. Если государство даёт диплом о высшем образовании, он должен быть качественным и отвечать уровню образования нашей страны. Нам есть что показать и чем гордиться. В связи с этим на съезде была выдвинута идея программы «Вернадский», это условное название. Речь идёт о том, чтобы в регионах создавать кластеры, цель работы которых состояла бы в том, чтобы молодые учёные, студенты, аспиранты ехали не в центр, а наоборот – было бы привлекательным поехать в регион, в Ханты-Мансийск, например, на Сахалин, на Камчатку. Чтобы создать там нужную научную школу, исходя из потребностей региона, его промышленности, экономики, ресурсов. А ведущие университеты могли бы в этом поучаствовать и сыграть ведущую роль.

Я вспомнил историю, был её свидетелем, когда в советское время, в 1959 году, начиная с 1957-го, страна создала несколько таких центров: в Новосибирске – Академгородок, туда поехали профессора Московского университета, Ленинградского университета. Ректор Александров там был, Лаврентьев, наш профессор. И то, что получилось, – чудо, наукоград в Новосибирске изменил научную карту России. Точно такие же центры были созданы на Дальнем Востоке, в Екатеринбурге, других городах. Наше предложение созвучно, но оно должно отвечать современности, чтобы пойти по этому пути.

Есть ещё одно хорошее обстоятельство – мы, Московский университет, выступили инициатором закона о научно-технологических долинах при университетах. На выходе ваши постановления о старте такой долины в МГУ, но они при каждом университете могут быть, и кое-где уже существуют и научные парки, и...

Д.Медведев: Я только, Виктор Антонович, не люблю слово «долина». Это же у нас не Silicon Valley, у них это в долине, а мы вроде назвали это центром.

В.Садовнический: Я назвал это долиной исторически... Так вот, передать в эти центры структуры, научные парки, которые есть. Эта программа, на мой взгляд, должна быть хорошей, она принята региональными университетами, мы общаемся. И конечно, при соответствующей поддержке – может, коллеги будут это моё предложение развивать, дополнять – это было бы хорошей программой поднятия уровня и распределения потенциала по всей стране.

Второе. Мы живём в цифровую эпоху, и какова роль университетов? Я полагаю, что роль университетов – развитие онлайн-образования, которое было бы качественным, приемлемым для всей страны, для регионов. Это образование должны давать профессора и университеты, которые обладают таким научным потенциалом. Мы, 12 университетов (здесь они в основном присутствуют), образовали консорциум. Эти 12 университетов уже читают около 300 курсов, которые слушают 2 миллиона человек. Это наша платформа «Открытое образование». Мы полагаем, что «Национальная платформа открытого образования» заслуживает внимания и уже хорошо заработала.

Есть ещё одно обстоятельство, которое говорит в пользу того, чтобы это развивать, так называемое междисциплинарное образование. Три года назад я в Московском

университете наобум выдал: «Давайте, чтобы лектор мехмата читал математику для юристов, для биологов, для психологов, а студенты слушали не по направлению курс». Преподаватели все были против: это наш хлеб, кафедры!.. Я тогда сказал: «Давайте на сайте в интернете студенты запишутся. Если их будет больше 10 тысяч – откроем. Не будет – не будем». Записалось 20 тысяч. Сейчас на этих онлайн-курсах у нас 34 тысячи слушателей, на междисциплинарных курсах. И это очень востребовано людьми.

Но каково было моё удивление, когда несколько дней назад я нашёл постановление Совета Народных Комиссаров (1933 года). В этом постановлении сказано: «Открыть в Московском университете междисциплинарные курсы для повышения уровня образования в нашей стране». То есть это уж и не столь оригинально... Но то, что мы говорим об открытом образовании, это, безусловно, заслуживает поддержки, будут развиваться эти предложения. Я предлагаю их включить в наши решения.

Третье – математическое образование. Не потому, что я математик, я исхожу из международного опыта. Несколько лет назад Президент Соединённых Штатов создал комиссию во главе с Гленном (с тем, который летал в космос), и Гленн для этой комиссии написал доклад. Доклад называется «Пока ещё не слишком поздно». Американцы сделали такой доклад. Он обсуждён в Конгрессе и принят Президентом к исполнению. В чём суть этого доклада?

Суть в том, что Америка отстаёт в математическом образовании. И дальше были приняты меры поддержки учителей математики в школах, университетской математики и так далее. Мы предлагаем, конечно, не буквально повторяя это, но всё-таки поддержать что-то подобное. Может быть, мы съезды учителей-математиков будем проводить. И ещё важно, чтобы наши журналы (об этом будет говориться) в основном естественно-научного профиля, – были поддержаны.

Я ещё рос в то время, когда гонялись за нашими журналами, а зарубежные... Сейчас, увы, (и об этом будут говорить очень подробно коллеги) всё наоборот, причём для нас довольно плачевно.

И ещё такое предложение – это экспорт нашего образования. Мы – сильная страна. У нас за пять лет число иностранных студентов увеличилось в пять раз. Было 50 тысяч, сейчас 250 тысяч. В Московском университете 10 тысяч. Такого никогда не было, даже в советское время.

Союз ректоров провёл 50 форумов за 10 лет. 2 тысячи ректоров зарубежных стран участвовали в этих форумах. Мы авторитетны. Но для того, чтобы наращивать эти усилия, нужны кампусы. К нам едут, когда понимают, что у нас можно жить, учиться. Поэтому в этом смысле нужна какая-то программа общежитий. Я построил на 3 тыс. мест общежитие год назад, места в нём мгновенно расхвачены.

И в заключение – о поиске талантов. Дмитрий Анатольевич, очень важно, чтобы эти таланты мы находили и чтобы они равномерно были распределены, работали на страну. Как находить? С помощью олимпиад. У нас в этом году 2,5 миллиона участников олимпиад – с первого класса до выпускного. Союз ректоров проводит эти олимпиады. Конечно, все они будут поступать в вузы – выпускники. Есть разные точки зрения. Есть точка зрения, что надо в сильный вуз привлекать. Например, в Московский университет. Они там получают настоящее высшее образование. Я придерживаюсь немного другой точки зрения. Я считаю, что этот талант хорошо бы окунуть в среду, создавая её в том или ином регионе. Есть Дальневосточный университет. Мне ректоры говорят, что там есть

проблемы. Поэтому поиск талантов нужно сопрячь с тем, что эти таланты должны всю Россию поднимать. В этом наш долг.

Совсем недавно в Сочи на Фестивале молодёжи и студентов в присутствии Владимира Владимировича (*Путина*) я предложил создать Международный союз молодых учёных. Это предложение было поддержано, и такой союз создан. Он начал работать, выбрал ряд приоритетов. Многие страны (около 60) включились в этот союз. Экология, цифровая экономика, искусственный интеллект – всё это очень волнует молодёжь не только нашей страны, но и всего мира. Союз молодых учёных – наш приоритет, и, конечно, он тоже требует поддержки, потому что это ещё и политический приоритет.

За всем этим стоит, о чём Вы сказали, формирование приоритетов в области науки и образования. И конечно, важно, чтобы мы были представлены в союзе с Академией наук. Я член её президиума и неоднократно говорил на заседаниях президиума, что мы порознь не сильны, мы сильны вместе и надо даже это настроение изжить, что мы, дескать, сами по себе. Мы вместе с академией, и всё, что мы говорим, мы предлагаем делать вместе с академией, интегрируясь в группы и центры.

Вопрос средств, денег мы сейчас не ставим, потому что знаем, что трудно стране. Но, конечно, всё, о чём сказано и будет сказано, требует определённой поддержки, и мы, сдавая свой «экзамен», рассчитываем на хорошую оценку, в том числе и финансовую.

Встреча с ректорами вузов. Выступление ректора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Ярослава Кузьмина

Я.Кузьминов : Здесь собрались ректоры ведущих российских университетов, имеющих право на собственные стандарты. Собственно, это наиболее общее и формальное определение ведущих университетов, которое мы сейчас имеем.

Перед встречей мы с Татьяной Алексеевной обсуждали, что такое ведущие университеты. Собственно, это университеты, которые активно ведут исследования. Да, это глобальные

университеты, которые участвуют в глобальном рынке высшего образования, кадров и так далее, но главное – это университеты, которые берут на себя ответственность, выходящую за рамки их узких задач: ответственность за развитие образования в России в целом (у всех собравшихся здесь есть амбиции), ответственность за международное продвижение России, ответственность за экономическое, технологическое и социальное развитие страны или регионов в секторах своей профессиональной ответственности.

Мы сегодня хотели бы рассказать о том, как мы видим эти зоны ответственности и как мы в них работаем. Виктор Антонович уже сказал, что определяющая черта сегодняшнего времени – это цифровая революция. Она создаёт возможность рывка, возможность догнать и перегнать сильных конкурентов, у которых больше денег, чем мы тратим в традиционных формах.

Фокус цифровой революции – это школы, конечно. Там нужны новые интерактивные цифровые учебники, обучающие симуляторы. Движки для них есть, и мы готовы участвовать в наполнении контента, в цифровом обновлении наших школ. И вузы должны помогать школам определять и вытаскивать таланты – это система олимпиад, которую Виктор Антонович возглавляет, это интеграция университета в профильных старших классах.

Сегодня 4 из 10 лучших школ Москвы – это лицеи в составе университетов и СУНЦ МГУ, но, кроме СУНЦ, им всего несколько лет – это некий показатель того, что может сделать такого рода обращение вузов в школу.

Высшее образование – это массовые онлайн-курсы, конечно, ведущих профессоров страны. Они должны заместить традиционные лекции. Мы в ведущих вузах это начали делать. «Вышка» включила по одному онлайн-курсу в год в каждую из 220 программ своего высшего образования. Кое-где просто ожесточённая война была у самых прогрессивных экономистов – они сопротивлялись до последнего, говорили, что они лучше, чем онлайн-курсы.

Д.Медведев: А Вы сами как считаете? Они лучше, чем онлайн-курсы?

Я.Кузьминов: Смотря какие онлайн-курсы. Наверняка можно найти онлайн-курс, который слабее Олега Замулина.

Д.Медведев: Безусловно.

Я.Кузьминов: Надо разбирать онлайн-курсы. Если нет у себя, давайте американский слушать, английский, наверняка можно найти у умного человека, которого у тебя нет на факультете.

Это электронные библиотеки, дающие доступ ко всем существующим научным результатам, ко всем открытым данным. Вот это создаёт возможность огромного, совершенно невиданного раньше выбора для студентов – курса, образовательного трека. Даже для научного руководителя. Но одновременно это возможность разгрузить преподавателя от рутинных задач, от повторения в лекциях того, что, в общем, уже написано, уже сделано.

Теперь есть возможность перенести фокус работы всех университетов на исследования и проектную работу. И быстрое освоение цифровых инструментов, на наш взгляд, должно быть общенациональной программой, задачей для всей высшей школы. Надо снять

существующие препятствия для зачёта онлайн-курсов в качестве равноправных элементов образовательной программы, даже желательных элементов.

Мы с Рособрнадзором обсуждали это дело, мне кажется, можно решение какое-то предлагать.

Предлагаем также включить в национальный проект закупку государством для всех вузов России доступа к основным мировым базам электронных библиотек – от научных статей до юридических баз, баз материалов, а для инженеров это компонентные базы, как вы знаете.

И критерием оценки вуза должно стать, насколько он обеспечивает бесплатный доступ своих студентов к нацплатформе открытых курсов, к глобальным электронным библиотекам, курсеровским курсам, где Россия тоже активно представлена.

У нас платформа – Виктор Антонович о ней сказал, я продолжу – это самый близкий и экономически эффективный резерв повышения качества высшего образования. Мы предлагаем до 2020 года с 300 до 1000 онлайн-курсов её достроить, покрыть все важнейшие предметы по всем направлениям высшего профобразования. Это будет такое ежегодно пополняющееся национальное достояние. И предлагаем разработать такую экономическую модель, когда использование онлайн-курсов ведущих профессоров было бы бесплатным для региональных университетов. Авторы курсов получали бы вознаграждение в связи с числом записавшихся студентов.

Такая модель реализована Собяниным в Москве для курсов Московской электронной школы и хорошо работает.

И разумеется, на базе онлайн-курсов нацплатформы мы можем радикально изменить качество заочного высшего образования в России. Это 40% российских студентов, недавно было 50%. Часто из семей с низкими доходами, невысоким уровнем образования родителей. Это незащищённые люди. А во многом это обучение взрослых, это второй шанс у многих людей.

Просили бы Вашего поручения Минобрнауки разработать специальный проект по переводу заочного образования в принципиально новый цифровой формат в рамках нацпроекта по образованию. Присутствующие здесь участники нацплатформы, наши 12 вузов, к этому готовы. Это действительно может радикально повернуть не просто образование, а судьбу людей, которые пошли на эти курсы.

По науке. Программа глобальной конкурентоспособности – спасибо за Вашу высокую оценку – действительно за четыре года обеспечила быстрый качественный рост наших университетов. Сегодня мы обеспечиваем половину российских публикаций в самых высокоцитируемых журналах. Рост в базе Scopus за четыре года – в 3,5 раза, рост по цитируемости – в 5 раз.

Но для устойчивых позиций России нам необходимо выйти на нормальное соотношение научного и образовательного бюджета исследовательских университетов. Мы Татьяне Алексеевне показывали: Гарвард – три к одному, Стэнфорд – два с половиной к одному, МПТ – три к одному, притом что образовательный бюджет у них хороший.

Мировой опыт показывает, что один к одному – это минимально приемлемый показатель для группы исследовательских университетов в топ-100, мировом общем рейтинге.

Д.Медведев: Один к одному – соотношение между чем и чем?

Я.Кузьминов: Наука и образование.

Д.Медведев: Расходы?

Я.Кузьминов: Да. И в части госзаданий, и в части зарабатываемых средств.

Сейчас наш показатель такой (мы с Садовничим считали): 15% в среднем для российских вузов (от 13 до 15%), для вузов группы 5-100 – 25%.

Д.Медведев: Это наука?

Я.Кузьминов: Наука.

Для МГУ и «Вышки» – 28%.

Эта ситуация, конечно, должна быть исправлена.

У нас есть расчёты, по паритету покупательной способности посчитали: наш образовательный бюджет в расчёте на студента – это примерно 70% от стран ОЭСР, то есть в общем можем соревноваться при каких-то изменениях. Но научный бюджет в расчёте на студента в 8 раз ниже. Это явно требует изменений.

Нужна «дорожная карта» по изменению такой ситуации. И здесь есть несколько критических точек.

Первая, самая простая (мы с Михаилом Михайловичем *(Котюковым)* это обсуждали несколько раз), – это горизонт финансирования. У нас это два-три года, а часто, все присутствующие знают, фактически это год. Год – вся отчётность, всё заново. Как удержать в этой ситуации перспективного учёного? Мы говорим об устойчивости налоговой ситуации для бизнеса, но учёный тоже человек, ему тоже надо себя планировать. Мы просто проиграем заранее, если не выйдем на горизонт пять, семь, десять лет – и для грантовой системы, и для собственных программ по финансированию в ведущих университетах.

Следующая проблема. Мы отобрали в прошлом году 90 лучших научных проектов 5-100. Это было предусмотрено программой. Но деньги из программы пропали. Мы находимся в крайне неловком положении перед нашими партнёрами.

Д.Медведев: Куда пропали?

Я.Кузьминов: Пропали из бюджета. Там было 3 млрд рублей.

Д.Медведев: Почему?

Я.Кузьминов: Потому что их Минфин сократил в своё время.

Д.Медведев: А почему он их сократил, может, они не выбраны были?

Я.Кузьминов: Нет, не было ещё проведено конкурса, их заранее убрали, там было 14, а осталось 3.

Д.Медведев: То есть, если говорить прямо, Вы считаете, что это тайный умысел Минфина или же всё-таки нерасторопность отдельных университетов? Вот так, по-честному. Или органов управления?

Я.Кузьминов: Университеты, Дмитрий Анатольевич, здесь совершенно ни при чём.

Нерасторопность Минобрнауки, которое не смогло вовремя отстоять. Я не думаю, что для Минфина эти 3 млрд были...

Д.Медведев: То есть это проблема всё-таки органов исполнительной власти – профильного министерства.

Я.Кузьминов: Да. Просто мы в неловком положении и перед нашими партнёрами. Их проекты одобрены, и из года в год мы не знаем, что им сказать. И членам международного совета, которые голосовали за эти проекты. Мы бы очень просили к этому вопросу вернуться.

Подчеркну, когда мы говорим о науке, речь не идёт только о бюджетных средствах. В России исследовательские университеты выстраивают долгосрочное партнёрство с крупными корпорациями, так у нас рынок организован. Это практическая ориентация – образование и финансирование поисковых прикладных исследований в интересах этих корпораций. «Вышка», в частности, работает активно со Сбербанком, с группой ВТБ, с «Яндексом» мы работаем, ещё с несколькими. И я думаю, что целый ряд коллег то же самое делают. Но этой работе имело бы смысл государственный систематический характер придать. На таком открытом рынке конкурсов больше, чем сейчас зарабатывают, заработать не смогут, потому что, со своей стороны, без того, чтобы иметь институционализированное в программах развития этих корпораций некое партнёрство с тремя-четырьмя отобранными университетами или с группой университетов в этом секторе, я думаю, мы не достигнем тех цифр, о которых я говорил.

В связи с этим хотел бы остановиться на проблеме соотношения вузов и отраслевых ведомств. Идут дискуссии по этому поводу, мы тоже слышим эти дискуссии. На наш взгляд, ответ очевидный. Если учредитель инвестирует в вуз, его исследования и проекты, обеспечивает востребованность на практике, тогда есть все основания сохранять такой университет в рамках ведомства. Кстати, Правительство России как учредитель четырёх присутствующих здесь вузов показывает пример такой ответственности: мы чувствуем и востребованность, и то, что вы нам...

Д.Медведев: А если бы Правительство этого не делало, то тогда это вообще было бы катастрофой.

Я.Кузьминов: Минздрав обеспечивает за счёт традиционно клинических практик, начиная с того времени, когда Татьяна Алексеевна возглавляла это дело, до 30% бюджета медицинских вузов. Вряд ли у кого-то возникнет идея сейчас эти вузы передать. Но есть противоположные примеры. И считаем, что это как раз ответственность ведомства – обеспечить наполнение.

Д.Медведев: Какие?

Я.Кузьминов: Минсельхоз, Минтранс.

Д.Медведев: Я достаточно подробно этой темой занимался – даже в момент подготовки предложений о системе органов исполнительной власти, появления нового министерства, деления компетенций между двумя министерствами, которые относятся к образованию теперь, то есть среднее образование – Министерство просвещения – высшее образование. И этот вопрос действительно был главным: инвестирует ли учредитель университета деньги в развитие этих университетов? От этого и нужно плясать.

Я.Кузьминов: Собственно говоря, я к чему клоню – было бы неплохо, может быть, дать поручение Минфину и Минэкономразвития проработать возможность включения университетов в отраслевые госпрограммы, потому что Минфин занимает сейчас исходную... Сейчас такая ситуация: вот у вас есть собственная программа образования, там все вещи, включая отраслевые, должны быть, а мы вам ничем не обязаны. При этом эти госпрограммы идут к исполнителям, которые часто слабее даже, чем отраслевые вузы.

Встреча с ректорами высших учебных заведений

Д.Медведев: Или нужно все отраслевые вузы передать сюда.

Я.Кузьминов: Или так. Но если они не востребованы, значит, они им не нужны, наверное.

О научных кадрах. Есть проблема приглашения ведущих перспективных молодых учёных из-за рубежа, да и удержания отечественных учёных, которые интересны для глобального рынка. Хороший опыт есть у Китая. Там государство оплачивает университету 50% зарплаты такого специалиста. Ты нанимаешь за 10 тыс. долларов в месяц – столько стоит профессор на мировом рынке, – правительство смотрит его публикации, его реальный уровень и тебе 50% возмещает. Университет тоже рискует. Университет берёт на себя ответственность, но всё-таки он не сам справляется с этой нагрузкой.

Д.Медведев: А кто принимает решение о том, что этот профессор достоин приглашения? Чиновники?

Я.Кузьминов: Мне кажется, комиссия Минобрнауки должна принимать – из ведущих профессоров по этому профилю.

Д.Медведев: Это другое дело. Потому что иначе таких наприглашают...

Я.Кузьминов: Нет, мне кажется, что это должен быть не сам университет точно.

Д.Медведев: Но и точно не министерство.

Я.Кузьминов: И не чиновники. Профильные комиссии. Мне кажется, что и у них так сделано.

И аспирантура. Аспирантура сегодня – это 100 тысяч человек, которые получают от 2 до 7 (у технарей) тысяч рублей в месяц. Взрослому человеку, нередко с семьёй, надо на что-то жить. Ведущие учёные время от времени находят деньги на поддержку своих аспирантов...

Д.Медведев: А раньше что, много получали?

Я.Кузьминов: Раньше получали среднюю зарплату по России, 80 рублей получали, 105.

Д.Медведев: Я аспирантом стал в 1987 году. Какие 105? 70 рублей.

Я.Кузьминов: У нас было 80.

Д.Медведев: Вы столичные. А в Ленинградском государственном университете – 70 рублей.

Я.Кузьминов: В любом случае это не нынешние 2 или 7 тысяч.

Д.Медведев: Согласен.

Я.Кузьминов: Это не самая роскошная жизнь, но это хотя бы основа жизни. Подрабатывать можно...

Д.Медведев: Это извечная дискуссия по поводу того, можно ли жить на стипендию и на такого рода платежи.

Я.Кузьминов: Но это уже не стипендия, её честнее отменить.

Д.Медведев: А что делать с аспирантскими выплатами? На Ваш взгляд?

Я.Кузьминов: Мне кажется, нужны гранты тем аспирантам, которые подтвердили свои результаты по итогам первого года, на дальнейшую работу. И честно говоря, Дмитрий Анатольевич, нам надо 100 тысяч сокращать до 30–35. У нас 14% аспирантов защищаются. Если мы в два раза увеличим круг защит, я считаю, это будет очень хорошее решение.

Т.Голикова: Тогда их надо вести с самого начала. Надо правильных аспирантов отбирать.

Я.Кузьминов: Да, надо заранее отбирать. Мы к себе в аспирантуру начинаем предварительно уговаривать, зачислять на втором курсе.

Д.Медведев: Так и было всегда. И в советские времена аспирантов присматривали из студентов. Все, кто защищался в тот период, – а здесь большинство присутствующих именно из той поры, – знают: всегда аспирантов присматривали из студентов. Редко когда какой-нибудь гений приезжал откуда-нибудь со стороны и ему говорили: ладно, становись аспирантом. Своих аспирантов готовили из своих студентов.

Я.Кузьминов: И последнее, что я хотел сказать. Вы уже сами за меня сказали, что у нас есть серая зона, где Россия не представлена даже в топ-500 глобальных рейтингов по предметам. Это такие вещи, как сельское хозяйство, транспорт, строительство, если брать отрасль. Слушайте, мы собираемся экономический рывок на инфраструктуре обеспечивать! Целиком на заёмных технологиях, получается? Конечно, нужно расширить, по нашему мнению, проект 5-100 за счёт целевых конкурсов по нужным направлениям. Не так, как его первоначально формировали. У нас есть три аэрокосмических университета и медицинские есть. Вот эти направления.

И проект надо продлить, поставив задачу к 2025 году обеспечить место российских вузов в топ-100 не менее половины глобальных рейтингов (сейчас четверть всего) и к 2030-му – 75%. Будут совершенно конкретные задачи перед Минобрнауки: как отбирать, как помогать, а остальное уже можно, детали, предоставить министру.

Д.Медведев: Я, конечно, в конце всё прокомментирую, а сейчас буквально только два слова скажу в отношении вещей, которые являются исключительно важными, но в то же время абсолютно новыми для нашей страны. И Виктор Антонович, и Ярослав Иванович говорили про цифровую революцию и онлайн-курсы. Очевидно, что подобного рода курсы в любом университетском сообществе изначально встречаются в штыки. Большинство преподавателей, даже с мировым именем, уверены, что это халтура, и не воспринимают это. Но плыть против течения в этом направлении неверно.

Наша задача, задача государства, – сделать таким образом, чтобы эти онлайн-курсы были качественными.

Вот Вы сказали, я сразу посмотрел эту платформу: здесь даже не 300 курсов пока, а 277. Если все ведущие вузы считают, что это лучшая база для развития онлайн-образования, значит так и нужно делать. Нам здесь не нужно расплывать силы.

Я сейчас не говорю про иностранные курсы, у них есть достоинства и недостатки, я говорю про нашу национальную платформу. Она должна быть одна, потому что человек, который пользуется ею (вот такая большая платформа), должен ей доверять. Пожалуйста, пусть будут любые другие – любительские, написанные одним человеком, энтузиастом, – всё это прекрасно и здорово. Но если мы хотим, чтобы у нас онлайн-образование развивалось как в том числе общественно-государственный проект, такая платформа должна быть именно большой и включающей в себя ведущие университеты. Тогда к ней будет доверие.

Я посмотрел, кто здесь, действительно серьёзные силы. И я, выбирая такой курс, естественно, буду на это ориентироваться. При этом я не знаю, как там – attendance, то, что Вы говорите, – присутствие на лекциях выглядит. Объективно всё-таки в очных лекциях и семинарах есть определённый смысл, от этого, конечно, образование никогда не откажется.

Более того, когда ты выбираешь онлайн-курс, мне кажется, что здесь, конечно, есть и преимущества, потому что не нужно куда ходить, но и известные недостатки, которые

неустранимы для онлайн-сферы, для виртуальной реальности, скажем так. Поэтому сосуществование между нормальным, традиционным образованием и онлайн-курсами, которые верифицированы ведущими университетами и учёными, – это является магистральным путём развития такого рода образования в нашей стране.

Я уже два слова сказал по поводу того, каким образом нам нужно смотреть на судьбу университетов. Здесь я не могу не согласиться с тем, что основным критерием является отношение учредителя. Это правильно. Неважно, как этот учредитель выглядит, это может быть государственная структура, государственный орган или частные учредители. Если учредителю наплевать на судьбу университета, такой университет должен быть в конечном счёте, если это государственный университет, важный для страны, передан в Министерство науки и высшего образования, и тогда к нему будут применяться общие критерии. Либо, если этот университет относится к частной сфере, учредитель просто должен призадуматься, каким образом ему этот университет содержать. Другого здесь быть не может.

Я такой порядок хочу распространить, или применить, вместе с коллегами, конечно, и в отношении российского университетского сообщества, включая наши отраслевые вузы, за которые часто ратуют отраслевые министры, а когда дело доходит до их финансирования, они разводят руками и говорят, что у нас на университеты денег не остаётся, мы должны другим заниматься. Если это так, тогда эти университеты должны быть в общей системе, и это совершенно очевидно.